

А.Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН,
199053 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Модели функциональной адаптации заимствованного из русского языка союза *и* в селькупских диалектах

В статье предложен анализ функционирования в пяти селькупских диалектах заимствованного из русского языка союза *и*. Анализ позволяет увидеть, что селькупские диалекты различаются с точки зрения того, как происходит функциональная адаптация заимствованной единицы (которая к тому же является полисемантической в языке-доноре). Выделено две модели такой функциональной адаптации, основанных на том, отождествляются ли функции заимствованного элемента с функциями какого-либо исконного элемента языка-реципиента или же происходит репликация функций заимствованного элемента из языка-донора в язык-реципиент. Это исследование позволяет изучить некоторые механизмы уподобления грамматической системы языка-реципиента грамматической системе языка-донора. В статье также высказываются предположения о том, какие различные социолингвистические характеристики контактной ситуации могут соответствовать различным моделям функциональной адаптации.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствование, селькупские диалекты, русский язык, союз

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Урманчиева А.Ю. Модели функциональной адаптации заимствованного из русского языка союза *и* в селькупских диалектах // Рема. Rhema. 2023. № 1. С. 31–57. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-31-57

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-31-57

A. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation

Functional adaptation models loaned from the Russian conjunction *i* ('and') in Selkup dialects

The article proposes an analysis of the functioning of the conjunction *i* (Russian 'and'), borrowed from Russian into five Selkup dialects. The analysis allows us to see that the Selkup dialects differ in terms of how the functional adaptation of the borrowed unit (which is polysemous in the donor language) takes place. Several strategies for such functional adaptation have been identified, based on whether the functions of the borrowed element are identified with the functions of some "native" element of the recipient language, or whether the functions of the borrowed element are replicated from the donor language to the recipient language. This study allows us to investigate some mechanisms of assimilation of the grammatical system of the recipient language to the grammatical system of the donor language. The article also suggests which sociolinguistic characteristics of the contact situations may correspond to different strategies of functional adaptation.

Key words: language contacts, borrowing, Selkup dialects, Russian language, conjunction

FOR CITATION: Urmanchieva A. Functional adaptation models loaned from the Russian conjunction *i* ('and') in Selkup dialects. *Rhema*. 2023. No. 1. Pp. 31–57. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-31-57

1. Введение

В статье изучаются контакты селькупских диалектов с русским языком. В конечном итоге эти контакты привели к смене языка (которой предшествовали процессы языковой аттриции, затронувшие все селькупские диалекты). Но исследование селькупско-русских контактов я постаралась ограничить тем материалом, который отражает достаточно полное владение селькупками родным языком. В этих материалах

выделяется значительное количество русских заимствований, связанных прежде всего со знакомством с определенными реалиями (простейший пример – *спички*), но заимствован также целый ряд служебных и квазислужебных элементов – союзов и частиц.

В результате исследования выяснилось, что – в зависимости от диалекта – есть несколько моделей «функциональной адаптации» таких заимствований. Я считаю, что возникновение нескольких таких моделей связано с тем, что социолингвистические параметры русско-селькупских контактов могли существенно различаться от диалекта к диалекту. Соответственно, я постаралась реконструировать социолингвистические параметры, которые можно поставить в соответствие каждой модели функциональной адаптации заимствованных из русского языка служебных слов.

В исследованиях, затрагивающих заимствование союзов, они относятся к классу «функциональных слов» (function word в терминологии [Thomason, Kaufman, 1988, p. 74]) или «модификаторов высказывания» (utterance modifiers по [Matras, 1998]) Я. Матрас определяет этот класс как «расширенную группу различных элементов, структурирующих дискурс, дискурсивных маркеров и фокусных частиц»¹ [Matras, 1998, p. 282]). В известной иерархии заимствуемости, предложенной в [Thomason, Kaufman, 1988, p. 74–75], эти элементы находятся практически в самой левой части иерархии и являются первыми грамматическими (нелексическими) элементами, проникающими в систему языка в ситуации языкового контакта.

Как известно, обсуждаемая иерархия заимствуемости ставит в соответствие положению заимствованного элемента на шкале интенсивность языкового контакта: чем правее в иерархии располагается заимствованный элемент, тем более интенсивным является языковой контакт. Поскольку вопрос о социолингвистических параметрах языковых контактных ситуаций также важен в рамках данного исследования, приведу цитату из работы Я. Матраса, в сжатом виде характеризующего иерархию, предложенную С. Томасон и Т. Кауфманом: «результатом спорадических контактов будет заимствование знаменательной лексики (категория 1); несколько более интенсивный контакт может привести к заимствованию служебных слов с сохранением некоторых их фонологических, синтаксических и лексико-семантических особенностей (категория 2); результатом еще более интенсивных контактов может стать структурное заимствование адлогов, словообразовательных морфем и отдельных фонем (категория 3); сильное структурное давление приводит к заимствованию моделей порядка слов, различительных признаков

¹ “an extended grouping of various discourse-regulating elements, discourse markers, and focus particles” [Matras, 1998, p. 282].

фонем и словоизменительной морфологии (категория 4); и, наконец, очень сильное культурное давление может привести к значительному разрушению исходных типологических характеристик языка и к изменениям в сфере фонетики (категория 5)»² [Matras, 1998, p. 284].

Я. Матрас обсуждает различные попытки объяснить тот факт, что рассматриваемые единицы заимствуются с такой легкостью. Он не согласен с тем, что заимствование этих элементов следует объяснять тем, что они заполняют лакуны в системе языка-донора или тем, что интеграция этих единиц сообщает всему дискурсу некоторый флер «престижности» благодаря статусу языка-реципиента. Я. Матрас считает, что билингвы испытывают значительное когнитивное давление, когда в их распоряжении находятся два набора единиц, служащих для структурирования дискурса. В такой ситуации они стремятся сократить количество таких элементов до одного набора, при этом предпочтение отдается набору, принадлежащему более престижному языку L2. Естественно, процесс перехода от двух наборов к одному является постепенным, включающим стадию сосуществования единиц из двух языков.

Таким образом, заимствование этих элементов рассматривается исследователями как характеристика определенной стадии (или, иначе, определенной степени интенсивности) контактов между двумя языками. Иначе говоря, в этих исследованиях выбирается такой масштаб, при котором все случаи заимствования таких элементов относятся к одному классу. В данном исследовании в сравнении с процитированными работами меняется степень приближения: условно монолитный класс ситуаций (контакт такой степени интенсивности, при котором заимствуются функциональные слова) распадается на несколько (модель функциональной адаптации союза в идиомах-реципиентах различается в зависимости от социолингвистических параметров контактной ситуации).

Начнем с кратких сведений о селькупских диалектах (обозначения селькупских диалектов даются по [Alatalo, 2004]).

Р – северный, «тундровый» диалект, на реках Таз и на притоках Енисея от Елогья до Карасино, ранее также в верховьях Ваха.

Т – тымский диалект, распространен на реке Тым. Согласно общепринятой точке зрения, именно отсюда на север мигрировала часть населения, послужившая основой северной группы селькупов.

² “casual contact will lead to lexical borrowing of content words (category 1); slightly more intense contact may result in some borrowing of function words with minor phonological, syntactic, and lexical-semantic features (category 2; see below); more intense contact can give rise to structural borrowing of adpositions, derivational suffixes, and phonemes (category 3); strong structural pressure will condition borrowing of word-order patterns, distinctive features in phonology, and inflectional morphology (category 4); and finally, very strong cultural pressure could show significant typological disruption and phonetic changes (category 5)” [Matras, 1998, p. 284].

Н – н-диалект, на реках Васюган, Парабель и на Оби между ними. Название диалекта в данной классификации обусловлено его яркой чертой – переходом *s* → *h*. Далее он будет называться васюганским диалектом.

І – иванкинский диалект (Обь в районе Колпашева), в котором не произошло перехода *s* → *h*, но который в остальном очень близок к н-диалекту.

О – верхнеобской диалект, к югу от Колпашева до реки Чулым.

К – кетский диалект, по реке Кеть.

Признанным является деление селькупского диалектного континуума на три зоны: северную, центральную и южную. К южной диалектной зоне относятся верхнеобской и кетский диалекты, к центральной – тымский и васюганский, к северной – собственно северный, «тундровый» диалект. Иванкинский диалект занимает промежуточное положение между центральной и южной диалектной группами; материал иванкинского диалекта в данной статье не рассматривается.

Союз *и* заимствован во все диалекты селькупского языка. Вместе с тем, в селькупских диалектах есть исконные единицы *aj* и *naj*, функции которых по крайней мере частично пересекаются с функцией заимствованного из русского сочинительного союза *и*. Тем самым, для каждого диалекта будут рассмотрены основные употребления всех трех элементов.

2. Заимствование союза *и* в селькупские диалекты: данные

2.1. *Aj*, *naj* и *и* в тымском диалекте

2.1.1. *Aj* в тымском диалекте

Эта единица употребляется в следующих релевантных для нас контекстах.

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

(1) *kannaḡ* *aḡ* *šū* *aḡ* *k'alan* *ṭšēndž-kā-ḍ*
 собака и змея и полевка сказать-НРАВ.АОР-S3PL³
 'Собака и змея и полевка сказали' (Do. Ms.⁴)

³ Условные обозначения: 1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC – аккузатив; AOR – аорист; ATTR – показатель атрибутивной формы; CORREL – коррелятив ('размером с'); CVB – деепричастие; DIM – диминутив; DU – двойственное число; DUR – дуратив; FUT – будущее время; GEN – генитив; HAB – хабитуалис; ILL – иллатив; IMP – императив; INCH – инхоатив; INF – инфинитив; INFER – инферентив; INSTR – инструменталис; INTENS – интензив; DLALT – датив-латив; LATENT – латентив; LOC – локатив; NEG – отрицательная частица; O – объектное спряжение; OPT – оптатив; PL – множественное число; NP – имя собственное; PRAET – прошедшее время; PRON – прохобитив; PTDEV – дебитивное причастие; RECIPR – реципрок; REF – рефлексив; S – субъектное спряжение; TRANSL – транслатив.

⁴ Здесь и далее Do. Ms. – неопубликованные селькупские тексты, собранные К. Донне-ром, обработанные Я. Алатало и включенные им в его корпус селькупского языка.

Б. ‘Опять’

- (2) *kabədžə-lä* **aj** *kurrā--nna-g*
 наестся-CVB опять пойти-AOR-S1
 ‘Наевшись, я опять отправился в путь’ (Do. Ms.)

В. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке (‘Р, и (затем) Q’)

- (3) *äldž^əga-n* *orral-ge-d* **aj** *tō*
 старуха-ILL схватить-НАВ.AOR-O3 и прочь
ñəmpē₁-ke-d
 толкнуть-НАВ.AOR-O3
 ‘Он схватил старуху и оттолкнул ее’ (Do. Ms.)

Г. Эмфатическая конструкция вида ‘сколько Р, однажды и Q’

- (4) *kušša* *kund* *kuen-ga-Ø*, *kuen-ga-Ø*, **aj**
 сколько долго идти-НАВ.AOR-S3 идти-НАВ.AOR-S3 и
okkur *tšuatš* *tšondžō-γov* *šākk^ə-sa*
 один земля[-GEN] середина-LOC ночевать-PTDEB
mət-ka-Ø
 дойти-НАВ.AOR-S3
 ‘Сколько он так шел, шел – однажды и заночевать ему время
 пришло’ (Do. Ms.)

Д. Коррелятивная конструкция типа ‘сколько/где/когда/какой Р, столько/там/тогда/такой Q’

- (5) *kōšan^ə* *tšuatšo-nd* *kaɪl* *yūm* *ī-lɛ-p-s*
 смертный земля-DLAT какой человек взять-FUT-O1-FUT
aj *nā* *γov* (*aj*) *onändž₁ pīrō-m-d₂*
 и этот человек и сам_{1,2}-ACC-2
ī-lla-k-s
 взять-FUT-S1-FUT
 ‘Какого человека я в смертную землю заберу, того человека
 я с тобой вместе заберу’ (С. Ms.⁵)

2.1.2. Naj в тымском диалекте

А. ‘Тоже’

- (6) *teb-ənt* **nej** *omdaldž-āv* *alagu-nd!*
 он-ACC тоже посадить-OIMP2PL лодка-DLAT
 ‘Его тоже посадите в лодку!’ [Do. Ms.]

⁵ Здесь и далее С. Ms. – неопубликованные селькупские записи М. А. Кастрена, обработанные Я. Алалато и включенные им в его корпус селькупского языка.

Б. ‘и X, и Y’

- (7) *nūm neĭ, t̥ʃuātš-əm neĭ aʒa tenəu-ke-d.*
 небо.ACC тоже земля-ACC тоже NEG узнать-НАВ.АОР-ОЗ
 ‘Он не узнавал ни неба, ни земли’ (Do. Ms.)

В. Конструкция *njntə nai* ‘тут и’

- (8) *pūnəgəzə pətš-sə p ‘ad’əl-l-ē-l-kə-d. nəndə neĭ*
 PN топор-INSTR рубить-INCH-НАВ.АОР-ОЗ потом и
uagʷə mādā-ššag k ‘abrē-d takkə
 большой дверь-CORREL стружки-З прочь
paktār-l-ēl-ka-Ø.
 отскочить-INCH-НАВ.АОР-SЗ
 ‘Пюнегусе начал рубить топором, тут и полетели стружки
 размером с дверь’ (Do. Ms.)

2.1.3.1 в тымском диалекте

А. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке (‘P, и (затем) Q’)

- (9) *nəkka tū-kka-Ø ī manəmb-ke-d,*
 туда прийти-НАВ.АОР-SЗ и посмотреть-НАВ.АОР-ОЗ
ī vēs ellipse takkəl-ge-d.
 и все вниз взять-НАВ.АОР-ОЗ
 ‘Он пришел туда, и посмотрел, и снял их всех вниз’ (Do. Ms.)

Б. Эмфатическая конструкция вида ‘сколько P, и однажды Q’

- (10) *kušā kund kurālb²-ka-Ø ī okkur t̥ʃuətš*
 сколько долго бежать-НАВ.АОР-SЗ и один земля[-GEN]
t̥ʃondžō-γoɔ šid² nā-l ɣū-γ
 середина-LOC два женщина-ATTR человек-DU
nəŋŋə-ndā-γ.
 стоять-LATENT-SЗDU
 ‘Сколько он так бежал – и однажды (~ ‘вдруг видит’) стоят две женщины’ (Do. Ms.)

В. Коррелятивная конструкция типа ‘сколько/где/когда/какой P, и столько/там/тогда/такой Q’

- (11) *kaĭl kōpto-nd² kond²-ka-Ø i nəkka*
 какой место-DLAT уснуть-НАВ.АОР-SЗ и там
pū-dxo k ‘andeĭ-ka-Ø
 камень-TRANSL замерзнуть-НАВ.АОР-SЗ
 ‘В каком месте уснул, там и замерз, превратившись в камень’

Г. С местоимениями: *Prop-i* ‘*Prop* тоже’

- (12) *okkur ando-gt nār t'ēt̚ tār omnə-mbā-d.*
 один лодка-ILL три четыре по сесть-INFER-S3PL
nīg t̚ʃāq̚-ā-d aḷ tɛb ī tɛb-ᵃᵇ-ᵃᵇ
 так пойти-AOR-S3PL и он и он-PL-GEN
moḡ-ḡoḡ karä u-llei-ka-Ø
 позади-LOC к.воде плыть-INCH-НАВ.АОР-S3
 ‘В каждую лодку по трое, по четверо расселись, отправились.
 И он тоже вслед за ними от берега отплыл’.

На рис. 1 приводится схема, где на одной семантической карте представлены функциональные сферы четырех элементов: союза *u* в русском языке⁶, заимствованного из русского языка элемента *i* в тымском, *aḷ* в тымском, *naḷ* в тымском. В тымском диалекте *i* представлено в двух семантически несвязанных зонах: в первом случае все его употребления «вкладываются» в сферу употребления тымского *aḷ*, во втором случае оно функционирует как показатель со значением ‘тоже’, употребляясь в постпозиции к личным местоимениям⁷. Начнем с первой,

⁶ Сфера употребления русского *u* разделена на две: *u* в функции сочинительного союза и *u* в функции частицы. Функцию частицы *u* ‘менее’ можно определить как указание на то, что сообщение о ситуации Р надо оценивать в сопоставлении с предтекстом: то, что ситуация Р должна была наступить, может быть либо прямо известно из предтекста, либо с высокой вероятностью следовать из предтекста:

- (i) ... здесь в деревне, прошлой зимою, доподлинно случилось, что мужик Арефий Никитин поехал за дровами в лес, в обций колок, всего версты четыре, да и запоздал; поднялся буран, лошаденка была плохая, да и сам он был плох; показалось ему, что он не по той дороге едет, он и пошел отыскивать дорогу, снег был глубокий, он выбился из сил, завяз в долочке – так его снегом там и занесло. (С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858))

Но возможна и связь с предтекстом противоположного характера: например, герою было запрещено куда-то ходить, а он и думает: «Пойду-ка я туда».

В функции частицы *u* может употребляться самостоятельно, как в (i) – на схеме этот класс употреблений обозначен как «и Р». Нередки также употребления в (разрывных) сочетания типа *вот u*, *тут u*, *ну u* и т.д. – на схеме этот класс употреблений обозначен как «*тут* и Р».

⁷ Я рассматриваю эти зоны как семантически несвязанные, несмотря на то, что обе они как будто объединяются употреблениями русского *u* (серая рамка на рис. 1). Во-первых, в русском значении ‘тоже’ (*Петя пошел. И Вася пошел*) возникает из значения сочинения конъюнктов: при том, что на синтаксическом уровне сочиняются клаузы, они не обязательно обозначают две хронологически следующие друг за другом ситуации; эти ситуации могут быть и одновременны, так что речь идет именно о сочинении конъюнктов. В тымском на семантической карте заимствованного *i* эта функция (сочинение конъюнктов) оказывается «выколотой», так что в этом месте семантическая карта оказывается несвязанной. Во-вторых, в тымском значении ‘тоже’ *u* возникает только в сочетании с личными местоимениями, причем *i* занимает при них постпозицию, для русского же *u* постпозиция исключена. Такая узкая сфера распространения этой конструкции – сочетание только с личными местоимениями – показывает, что в этом случае катализатором заимствования *i* послужили скорее какие-то внутренние факторы развития языковой системы тымского диалекта, нежели копирование употребления русского *u*.

более обширной зоны. Очевидно, заимствование происходило с опорой на семантику тымского *aj*. Можно видеть, что *i* в тымском не имеет ни одного из тех употреблений, которые были бы характерны для русского *и*, но не были бы характерны для *aj*. При этом употребления *i* распространяются на конструкцию, проиллюстрированную примерами (4) и (10), совершенно обычную для тымского *aj*, но для русского *и* невозможную.

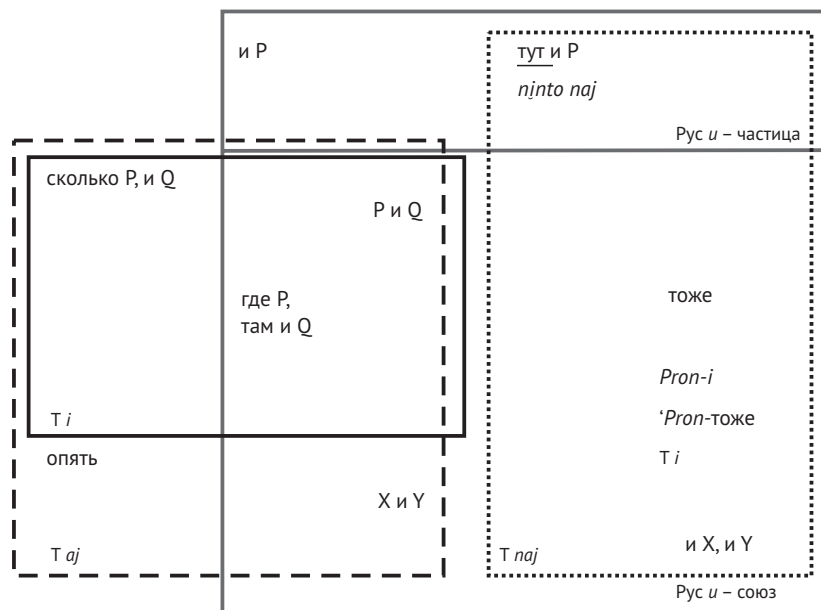

Рис. 1. Семантическая карта: *aj*, *naj* и *i* в тымском диалекте в сопоставлении с русским *и*

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в тымском (сплошная черная линия), *aj* в тымском (штриховая линия), *naj* в тымском (пунктирная линия)

Fig. 1. Semantic map: *aj*, *naj* and *i* in the Tym dialect (Selkup) versus Russian *i* 'and'

Functional areas: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), borrowed from Russian of the element *i* in Tym (solid black line), *aj* in Tym (dashed with long strokes), *naj* in Tym (dashed with dots)

Распространение употребления заимствованного *i* на эту конструкцию возможно за счет отождествления его функционала с функционалом исконного маркера *aj*. То есть заимствованный элемент

приобретает определенную функцию, не свойственную его прототипу в языке-доноре, с опорой на отождествление его функций с функциями некоторого исконного элемента, уже присутствующего в системе языка-реципиента.

Я. Матрас пишет о процессе такого взаимного уподобления систем дискурсивных маркеров двух языков, который позволяет билингвам снизить когнитивное напряжение. Как он показал, итогом сосуществования таких двух изоморфных систем дискурсивных маркеров в случае устойчивого билингвизма становится то, что в активном употреблении остается один набор показателей – тот, который принадлежит более престижному языку. Я. Матрас в своей работе не рассматривает подробно, как именно происходит процесс такого отождествления систем дискурсивных маркеров двух языков. Однако, судя по всему, он предполагает, что употребление заимствованных элементов в L1 идентично их употреблению в языке-доноре L2. Во всяком случае, он именно так определяет процесс конвергенции двух систем дискурсивных маркеров, который он называет термином *фузия*: «То, что в работе Salmons (1990) называется конвергенцией систем дискурсивных маркеров, в действительности характеризуется однонаправленной репликацией и лингвистического материала, и приписанных ему функций из L2 в L1, в результате чего носители L1 больше не дифференцируют соответствующие операции в обоих языках»⁸ [Matras, 1998, p. 298]. Таким образом, в этой модели предполагается, что заимствованные из L2 элементы не претерпевают каких-либо семантических изменений в L1.

В случае с заимствованием русского *и* в тымский диалект селькупского мы также видим процесс отождествления функций заимствованного элемента с функциями исконного элемента. Вместе с тем, мы не видим переноса заимствуемого элемента в язык-донор с сохранением всех его функций; напротив, заимствованный элемент начинает употребляться по модели, характерной для некоторой исконной для языка-реципиента языковой единицы. Наблюдаемая в тымском селькупском картина характерна, очевидно, для определенной стадии билингвизма, когда язык L1 используется более активно, чем L2, и именно грамматические модели родного языка становятся образцом для формирования семантики заимствованного элемента. Итак, можно описать первую модель заимствования.

⁸ “What Salmons (1990) refers to as the convergence of discourse-marking systems, however, is in fact characterized by a unilateral replication of both material and functions from L2 in L1, with the result that speakers of L1 no longer differentiate between the respective operations of either language” [Matras, 1998, p. 298].

Модель 1. Происходит отождествление заимствованного элемента с некоторой исконной языковой единицей, в результате чего заимствованный элемент становится ее семантическим дублетом. Круг употреблений заимствованной единицы обусловлен именно этой операцией отождествления, а не набором ее функций в языке-доноре.

При этом мы видим, что *i* не дублирует две функции *aj* – значение ‘опять’ и значение сочинения двух конъюнктов (*волк и медведь, пляшут и поют* и т.п.) (см. рис. 1). Отсутствие параллельного употребления *aj* и *i* в значении ‘опять’ не кажется удивительным: это значение отсутствует у заимствуемой единицы в языке-доноре, но, главное, это значение является лексическим, а не дискурсивным или грамматическим и, видимо, поэтому стоит особняком и не участвует в процессе отождествления функций селькупского *aj* и русского *и* при заимствовании последнего в рамках модели 1.

На первый взгляд кажется странным, что употребления *i* в тымском диалекте не распространяются на конструкцию сочинения двух конъюнктов: это значение присуще селькупскому *aj*, а частота употребления русского *и* в этой функции такова, что отсутствие отождествления *aj* и *i* в тымском в этой функции, конечно, не может объясняться маргинальностью соответствующих употреблений русского *и*. На мой взгляд, здесь определяющим является следующий фактор: в контексте сочинения двух конъюнктов *и* имеет исключительно синтаксическую функцию (маркирует сочинительную связь) и потому десемантизирован; в тымский же диалект *i* вошел, во-первых, в конструкции с отчетливой – коррелятивной – семантикой и, во-вторых, в тех функциях, когда, соединяя клаузы, *i* помогает так или иначе структурировать нарратив. Учитывая, что в тымском диалекте, как и вообще в селькупском, совершенно обычным является соположение двух клауз, обозначающих последовательные ситуации, употребление для их соединения какого-либо из элементов – *aj* или *i* – может иметь дополнительную семантическую нагрузку.

Таким образом, *i* был заимствован в тымский диалект в соответствии со моделью 1 (с опорой на семантику исконного элемента *aj*) с двумя дополнительными ограничениями: его употребление ограничивается теми контекстами, где он имеет отчетливую семантику (коррелятивную) и отчетливые дискурсивные функции (что вполне соответствует наблюдению Я. Матраса об отчетливой тенденции заимствовать именно те единицы, функцией которых является структурирование дискурса). Он не употребляется в функции десемантизированного союза для маркирования сочинительной связи и не распространяется на те контексты, где селькупское *aj* сохраняет исконное лексическое значение ‘опять’.

Основное о второй конструкции, где *i* в постпозиции к личному местоимению означает ‘тоже’, сказано в сноске 7. Здесь я прокомментирую эту ситуацию исключительно с точки зрения модели заимствования. Очевидно, что и здесь заимствование элемента хотя и опиралось на его значение (‘тоже’) в русском языке, происходило не только и исключительно с опорой на его функции в языке-доноре. Как уже отмечалось в сноске 7, здесь не происходит репликации целого участка семантической сети русского *и*, который бы естественно связывал между собой употребления *i* в языке-реципиенте. Во-первых, очевидно отождествление *i* и *naj* в селькупском, как функциональное, так и позиционное (ср. (6) и (12)). Во-вторых, *i* в этом значении используется в селькупском только с местоимениями; подобных ограничений в русском нет, так что и здесь очевидно прежде всего действие внутриязыковой логики, а не влияние языка-донора. Так что и в этом случае мы видим, что заимствование регулируется моделью 1 (отождествление русского *i* и селькупского *naj*), причем язык-реципиент использует это заимствование для обновления способов маркирования значения ‘тоже’ только в определенных грамматических контекстах (в сочетании с личными местоимениями). К этому можно добавить, что элементы со значением ‘тоже’ по своей функции близки к дискурсивным (и потому, согласно Я. Матрасу, особенно востребованы при заимствовании): семантически они практически ничего не добавляют собственно к семантике фразы, а только повышают ее связность с предыдущим текстом (ср., в частности, невозможность употребления языковых единиц со значением ‘тоже’ в изолированном высказывании).

2.2. *i* и *aj/εj*⁹ в северном диалекте

2.2.1. *Aj* в северном диалекте

А. Собственно сочинительная связь (‘X и Y’):

- (13) *Nätänka porqy-m-ty, türy-m-ty aj toľcy-m-ty*
 PN парка-ACC-3 лыжный.посох-ACC-3 и лыжи-ACC-3
tō mišal-ny-ty
 прочь взять-AOR-O3
 ‘Нэтэнка свою парку, свою лыжную палку и свои лыжи отобрала, собралась уходить’ [Кузнецова и др., 1993, с. 1, текст 3, предл. 35].

⁹ Судя по всему, это фонетические варианты.

Б. ‘Опять’

- (14) *Tääl₁ tjeel₂ ai kuen-ba-Ø. Ai ma-a-ttē*
 завтра и пойти-INFER-S3 и дом-DLAT
tuliš-pa-Ø
 прийти-INFER-S3
 ‘Назавтра опять пошел, опять дошел до какого-то дома’ (С. Ms.)

В. ‘Тоже’:

- (15) *iłca! man aj pačal-lä-p!*
 старик я и рубить-ОПТ-О1
 ‘Старик! Дай-ка я тоже порублю!’ [Прокофьев, 1935, с. 103]

Г. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке (‘Р, и (затем) Q’) – единичные употребления, которые можно сосчитать на пальцах одной руки, и только в текстах второй половины XX в.:

- (16) *Ira ǰq-qyn-ty catty-ny-ty aj amm-ē-ny-ty*
 старик рот-ЛОС-3 бросить-AOR-О3 и съесть-INTENS-AOR-О3
 ‘Старик себе в рот бросил и съел’ [Кузнецова и др., 1993, с. 28, текст 18, предл. 14].

Д. Коррелятивная конструкция типа ‘сколько/где/когда/какой Р, столько/там/тогда/такой Q’:

- (17) *ünkylsa-ty ukōt kuttar ē-sy-Ø, niłcuŋ ej*
 уши-3 раньше как быть-PRAET-S3 так и
ē-ŋa-Ø
 быть-AOR-S3
 ‘Уши ее какие были, такие и есть’ [Там же, с. 15, текст 4, предл. 72]

Е. Сочетание «вопросительное местоимение + *aj*» имеет значение эмфатического вопроса (ср. в русском нейтральный вопрос *Что за птица?* и эмфатический *Что еше за птица?*):

- (18) *innān aj qaił neķərə-l' wənda-l'*
 наверху и какой пестрый-ATTR лицо-ATTR
sūrə-l'a āmd-a-Ø?
 зверь-DIM сидеть-AOR-S3
 ‘Что это за такой зверек с пестрым лицом сидит наверху?!’
 [Прокофьев, 1935, с. 106]

- (19) *imakota aj kunə tü-ndə āl'ci-sə-Ø?*
 старуха и как огонь-DLAT упась-PRAET-S3
 'Как же это старуха в огонь упала?!' [Прокофьев, 1935, с. 107]

2.2.2.1 в северном диалекте

Этот союз является поздним заимствованием, появляясь только в записях второй половины XX в. (например, он ни разу не встретился в текстах Г.Н. Прокофьева 1920-х гг.).

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (20) *Ica i imaqota ily-mp̄-q̄i.*
 PN и старуха жить-INFER-S3DU
 'Ича и старуха жили' [Кузнецова и др., 1993, с. 24, текст 10, предл. 1].

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('P, и (затем) Q'):

- (21) *Pollē-mpa-ty i topyr-l'a-tqo ess-ī-mpa-Ø*
 проглотить-INFER-O3 и ягода-DIM-TRANSL стать-RFLINTENS-INFER-S3
 'Он проглотил (ягодку) и ягодкой (сам) стал' [Там же, с. 42, текст 27, предл. 51].

На схеме, представленной на рис. 2, показаны функциональные сферы трех элементов: союза *и* в русском языке, заимствованного из русского языка элемента *i* в северном селькупском и исконного элемента *aj*.

Как уже отмечалось выше, заимствование русского *и* в северный диалект произошло довольно поздно: *i* в северных селькупских материалах фиксируется только в текстах второй половины XX в. Очевидно, что заимствование *i* в северный диалект происходило в соответствии с совершенно иными принципами, нежели его заимствование в тымский (материалы по которому отражают ситуацию в первые годы XX в.). Схема на рис. 2 наглядно показывает, что *i* по употреблению гораздо ближе к русскому *и* (вкладываясь в его сферу употребления), чем к селькупскому *aj*. В этом случае мы можем выделить иную модель функциональной адаптации.

Модель 2. Употребления заимствованного элемента в языке-реципиенте соответствуют его модели употребления в языке-доноре.

В северный селькупский и не был перенесен из русского со всеми его значениями (см. рис. 2). При этом принципы «отбора» заимствованных значений в определенном смысле противоположны тем, которые действовали в тымском диалекте (где также не произошло полной репликации

всей сети значений русского *и*). Напомню, что в тымский (где заимствование происходило в соответствии со моделью 1) и был заимствован прежде всего как элемент структурирования дискурса, в результате чего тымский «проигнорировал» такую частотную, но десемантизированную функцию русского *и*, как соединение двух однородных конъюнктов в сочинительной конструкции. Что касается северного диалекта, то в него *и* был заимствован именно как маркер сочинительной связи: северный *i* просто повторяет два наиболее частотных употребления русского *и*: при внутрифразовом сочинении однородных конъюнктов и при сочинении клаузы.

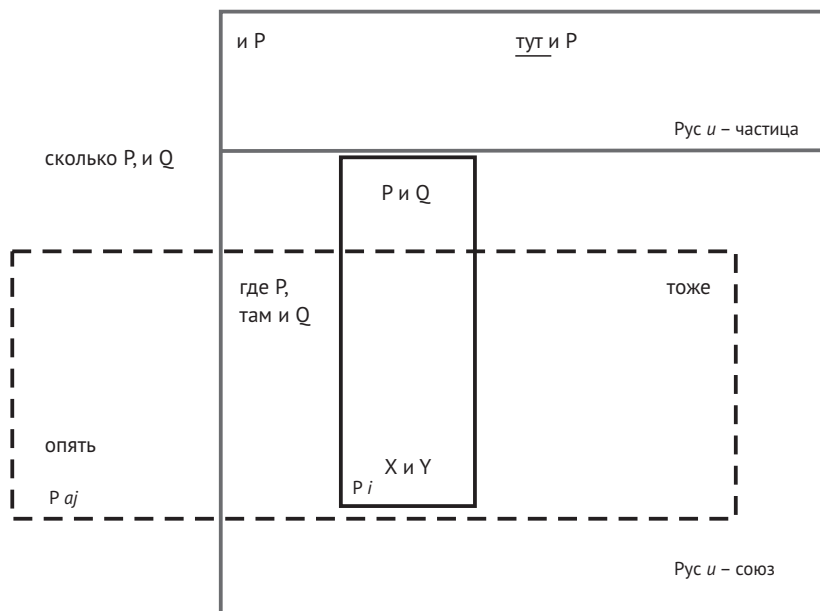

Рис. 2. Семантическая карта *aj* и *i* в северном диалекте в сопоставлении с русским *и*

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в северном селькупском (сплошная черная линия), исконный элемент *aj* (пунктирная линия)

Fig. 2. Semantic map of *aj* and *i* in the Northern Selkup dialect compared to Russian conjunction *i* 'and'

Functional areas: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), element *i* borrowed from Russian in Northern Selkup (solid black line), native element *aj* (dashed line)

2.3. *Aj, paj* и *i* в васюганском диалекте

2.3.1. *Aj/ej* в васюганском диалекте

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (22) *шомтел-ба-Ø* **ей** *кагарват-па-Ø*, *а*
 свистеть-DUR.AOR-S3 и греметь-DUR.AOR-S3 *а*
чомбо-те нагор аршит е-за-Ø
 длина-3 три аршин быть-AOR-S3
 'Свистит и гремит, а длиной – три аршина' [Быконя,
 1981, с. 139].

Б. 'Опять':

- (23) *қонне нағыр-п ай ь°зь қа-қв-а:дь!*
 на.берег письмо-ACC опять PRON бросить-OIMP2PL
 'На гору <из воды> письмо больше не кидайте!' [Дульзон,
 1966а, с. 112]

2.3.2. *Naj* в васюганском диалекте

А. 'Тоже'

- (24) *че:лы-м-дь қондрж-на-п, ну: шүндже-м най*
 день-ACC-3 видеть-AOR-O1 небо внутренность-ACC тоже
қонжр-на-п
 видеть-AOR-O1
 'Я вижу солнце, и небо тоже вижу' [Там же, с. 102].

2.3.3. *I* в васюганском диалекте

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (25) *омдылджь-мба-т устол-онт шеніха-п и*
 посадить-INFER-O3PL стол-DLAT жених-ACC и
невестка-п
 невеста-ACC

'Посадили за стол жениха и невесту' [Там же, с. 114].

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('P, и (затем) Q'):

- (26) *ми лардж-а-ут и по:не чар-а-ут*
 мы испугаться-AOR-S1PL и наружу убежать-AOR-S1PL
 'Мы испугались и на улицу убежали' [Там же, с. 98].

В. Коррелятивная конструкция типа ‘сколько/где/когда/какой Р, столько/там/тогда/такой Q’:

(27) *қаи-п қыз-а-ндъ, на: и қадэ:-шп-ет!*
 что-ACC хотеть-AOR-S2 это и говорить-DUR-OIMP2
 ‘Что хочешь, то и говори’ [Дульзон, 1966а, с. 114].

На схеме (рис. 3), организованной по уже известному принципу (см. рис. 1, 2), сопоставляются функции трех рассмотренных элементов васыганского селькупского и русского союза *и*.

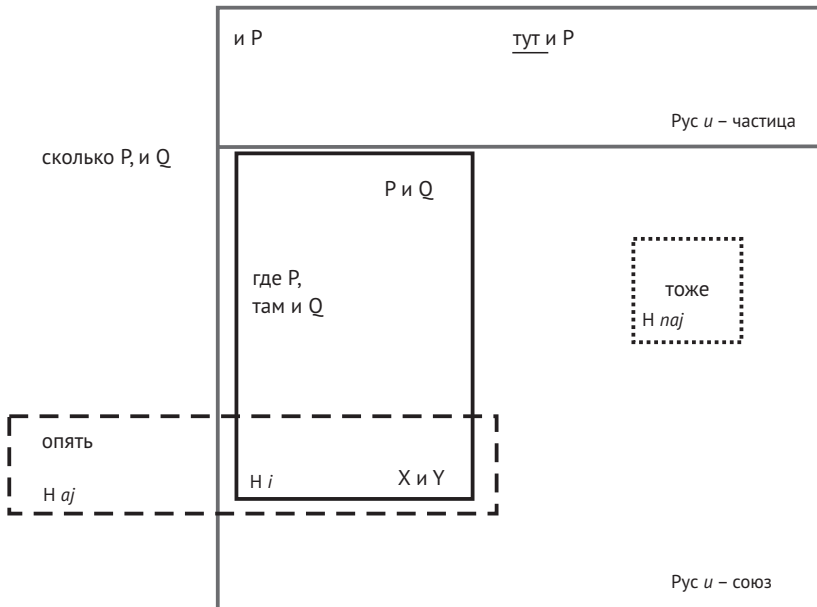

Рис. 3. Семантическая карта *aj*, *naj* и *i* в васыганском диалекте в сопоставлении с русским *и*

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в васыганском (сплошная черная линия), *aj* в васыганском (пунктирная линия), *naj* в васыганском (пунктир точками)

Fig. 3. Semantic map of *aj*, *naj* and *i* in the Vasyugan dialect (Selkup) in comparison with Russian conjunction *i* 'and'

Functional areas: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), borrowed from Russian of the element *i* in Vasyugan (solid black line), *aj* in Vasyugan (dashed line with long strokes), *naj* in Vasyugan (dotted line)

В васюганском диалекте заимствование происходило также в соответствии с моделью 2: функционал *i* в васюганском селькупском существенно ближе к функционалу русского союза, чем к функционалу какого-либо исконного селькупского элемента (см. рис. 3). Хотя в северном селькупском заимствование *i* также соответствует модели 2, васюганский отличается от северного селькупского. Так, в васюганском единица *i* имеет более широкий набор функций, соответствующих функциям русского союза *и* (*i* маркирует сочинительную связь между конъюнктами/клаузами и выступает в коррелятивной конструкции – синтаксически более сложной, чем простая сочинительная конструкция). Что касается северного, в нем *i* имеет единственную функцию, самую частотную и у русского *и*, – функцию маркирования сочинительной связи между конъюнктами/клаузами¹⁰.

2.4. *Aj* и *i* в верхнеобском диалекте

2.4.1. *Aj/εj* в верхнеобском диалекте

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (28) *кворгы-н олы-т тьюй затчь ай чумбене-н*
 медведь-GEN голова-GEN огонь искра и волк-GEN
оли тьюй чатчь ня-м-ды
 голова.ATTR огонь искра RECIPR-ACC-3
натан-ны-т
 подвинуть-AOR-S3PL
 'головня медвежья голова и головня волчья голова вместе
 сдвинулись' [Григоровский, 1879, с. 39].

¹⁰ На мой взгляд, заимствование полисемантического элемента в нескольких функциях может происходить в следующих принципиально разных случаях:

- если заимствование происходит в соответствии с моделью 1, полисемия у заимствованного элемента может возникать за счет того, что он отождествляется с некоторым подмножеством функций исконного для языка-реципиента полисемичного элемента;
- если заимствование происходит в соответствии с моделью 2, эта ситуация, по всей видимости, исключает влияние системы языка-реципиента (модель 1 предполагает семантическое доминирование языковой системы языка-реципиента, тогда как модель 2 предполагает семантическое доминирование системы языка-донора). В этом случае заимствование полисемичного в языке-доноре элемента в единственной функции (как *i* в северном селькупском) или в нескольких функциях (как *i* в васюганском) может свидетельствовать о разных социолингвистических параметрах контактной ситуации. Можно предполагать, что в случае васюганского стадия устойчивого билингвизма была более длительной, чем в случае северного диалекта: северный диалект вступил в контакт с русским языком позже васюганского, но переход к стадии смены языка был более резким.

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('P, и (затем) Q')

- (29) *Насакын эра-м на ком чозка по-зе*
 потом старик-ACC этот человек тонкий прут-INSTR
кетте-мба-н ай таб сыр-ле ме-гу-мба-н.
 ударить-INFER-S3 и он корова-TRANSL сделать-RFL-INFER-S3
 'Тогда тот человек ударил старика тонким прутом, и он сделался коровою' [Григоровский, 1879, с. 28].

В. 'Опять'

- (30) *Эра понго-н-ть ау ё-т саге-ны-т илле*
 старик сеть-GEN-3 и вода-DLAT ставить-AOR-O3 вниз
 'Старик опять ставит сеть в воду' [Там же, с. 31].

Г. 'Тоже'

- (31) *ман ванчб-у ам-нё-л ай квбгер*
 я нельма-1 съесть-AOR-O2 и осетр
áи áм-да-л
 и съесть-LATENT-O2
 'Мою нельму съел и осетра тоже съел' [Там же, с. 32].

Д. Конструкция «P, *njnto* ... *aj* Q» 'P, тут ... и Q'. В этой конструкции вторая клауза начинается с *njnto* 'сейчас', элемент *aj* может находиться внутри второй клаузы (а не непосредственно в постпозиции к *njnto*).

- (32) *Сыдымдэtti нánчо-гын почбльджи-т, нýнто*
 второй.раз живот-LOC ткнуть.AOR-O3 сейчас
нánче-т ай кóры-т
 живот-3 и распороть.AOR-O3
 'В другой раз ткнул <ножом> ему в брюхо, тут брюхо и распорол' [Там же, с. 33].

- (33) *тэйербо-у, што илле нанчи-т эан,*
 думать.AOR-O1 что внизу живот-3 быть.LATENT.S3
па-н пряма мачкольджи-за-у ай кор-за-у,
 нож-GEN прямо ткнуть-PRAET-O1 и распороть-PRAET-O1
нындо ай каты-ку-за-у
 сейчас и где.то.быть-RFL-PRAET-O1
 'Я подумал, что брюхо <проглотившей меня рыбы внизу>, и прямо ножом ткнул, и распорол, тут и дух из меня вон'
 Там же, с. 34].

2.4.2.1 в *верхнеобском диалекте*

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (34) *кворг* **и** *чумбыне утыр-а-г*
медведь и волк остановиться-AOR-S3DU
'Медведь и волк остановились' [Григоровский, 1879, с. 41].

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('P, и (затем) Q'):

- (35) *чарка-н-т* *гамджи-т* **и** *эра-н* *кыба*
рюмка-GEN-3 налить.AOR-O3 и старик-GEN маленький
и-нды-ни ного-ны-т
сын-3-ILL протянуть-AOR-O3
'Наливает рюмку и подносит младшему сыну старика'
[Там же, с. 40].

В. Коррелятивная конструкция типа 'сколько/где/когда/какой P, столько/там/тогда/такой Q':

- (36) *кунтар* *таб-не* *еу-т* *т'ар-за-н* *кыба*
как он-ILL мать-3 сказать-PRAET-S3 маленький
д'епка-ка-не *тап* *нил'дзинг* **и** *ме:-ва-т*
девка-DIM-ILL он так и сделать-AOR-O3
'Как ей мать сказала, маленькой девке, она так и сделала'
[Дульзон, 1966б, с. 140]

Г. Конструкция «P, *njnto* ... i Q» 'P, тут ... и Q':

- (37) *ангу* *тигуль-гв-ель-т,* **нынто** **и**
сон давить-НАВ-INCH.AOR-O3 тут и
кондо-л-ба-Ø
уснуть-INCH-INFER-S3
'Стал его одолевать сон, тут он и уснул' [Григоровский, 1879, с. 40].
- (38) *Ас* *кундыгын* *амда-н,* **нынто** **и** *квыюл*
не долго сидеть.AOR-S3 теперь и рыба
пон-гын *ка́р-зи-т*
сеть-LOC попасть-PRAET-O3
'Не долго сидит, тут и попала в сеть рыба' [Там же, с. 32].

Д. Конструкция с предглагольным употреблением *i*, в которой *i*, как и его русский прототип, имеет функции частицы.

- (39) *Эрай, тан кван-к. А он-д таб-ни уто-зе*
старик ты ийти-SIMP2 а сам-3 он-ILL рука-INSTR
адолджи-мба-т. Вот эра и кван-ба-н
показать-INFER-O3 вот старик и пойти-INFER-S3
‘«Ты старик, иди!» А сам показал ему рукою. Вот старик
и пошел’ [Григоровский, 1879, с. 27].
- (40) *Нынгонт мит-лебе, кю някыл-ба-т.*
туда дойти-CVV течение тянуть-INFER-O3
А таб и чаже-н.
а он и ийти-AOR-S3
‘Когда он подплыл туда на лодке, его потянуло течением.
А он и плывет себе’ [Там же, с. 30].
- (41) *Пюгульджи-т квогер чангва-н. На эра*
щупать.AOR-O3 осетр не.иметься.AOR-S3 этот старик
й чары-н
и говорить.AOR-S3
‘<Старик> ищет ощупью – а осетра нет. Ну, старик и говорит: <...>
[Там же, с. 32].

На схеме, представленной на рис. 4, сопоставляются функции двух рассмотренных элементов верхнеобского селькупского и русского союза *и*.

Заемствование в верхнеобской диалект происходило также в соответствии с моделью 2: функции *i* в верхнеобском селькупском ближе к функциям русского прототипа, чем к набору функций исконного селькупского показателя *aj* в этом диалекте (см. рис. 3). При этом полисемия *i* в верхнеобском более разветвленная, чем в васюганском: здесь сфера употребления *i* фактически совпадает со сферой употребления его прототипа в русском языке, распространяясь на более редкие обороты, где *и* выступает не в роли союза, а в роли дискурсивной частицы (типа *ну, старик и говорит*). При этом, как кажется, заимствование *i* мало повлияло на употребления исконного элемента *aj*: он сохраняет широкий круг употреблений, в том числе таких, которые дублируют употребления заимствованного *i*. На рис. 4 наглядно показано, что, с одной стороны, *aj* сохраняет за собой те контексты, в которых его употребление дублируется новым, заимствованным элементом, с другой стороны, *aj* не приобретает новых функций, которые не были бы ему свойственны изначально и теоретически могли появиться при отождествлении его с заимствованным элементом.

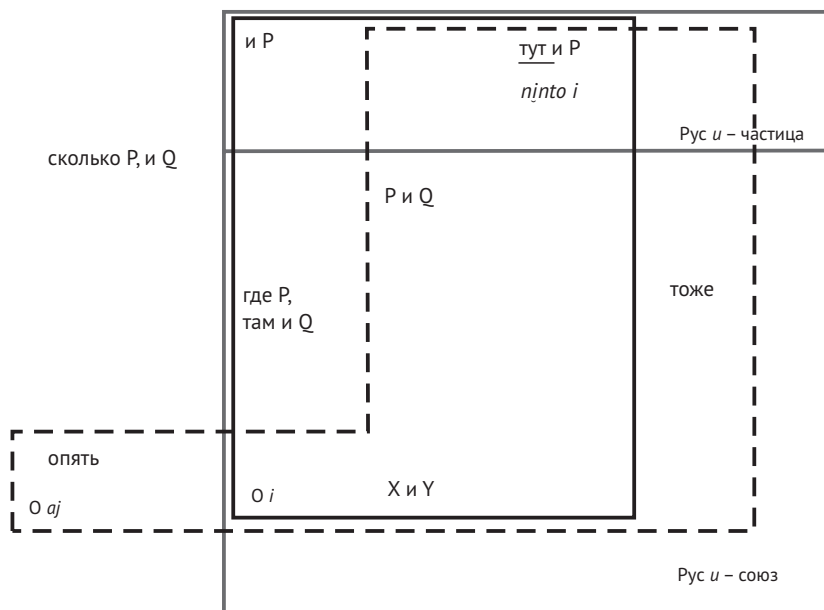

Рис. 4. Семантическая карта *aj* и *i* в верхнеобском диалекте

Сферы функционирования: союз *i* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в верхнеобском (сплошная черная линия), исконный элемент *aj* (пунктирная линия)

Fig. 4. Semantic map of *aj* and *i* in the Upper Ob dialect (Selkup)

Functional areas: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), borrowed from Russian of the element *i* in Upper Ob dialect (solid black line), *aj* in Upper Ob dialect (dashed line with long strokes)

2.5. *Aj* и *i* в кетском диалекте

2.5.1. *Aj* в кетском диалекте

А. 'Опять'

- (42) *Nenna aj na pendže-l-dže-Ø*
 потом опять это плыть.по.течению-INCH-LATENT-S3
 'Потом опять по течению поплыл' (Do. Ms.)

2.5.2. *i* в кетском диалекте

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (43) *patta-m i nā tutto-m ī-nde-t.*
 плотва-ACC и этот карась-ACC взять-LATENT-O3
 'Он взял плотву и этого карася' (Do. Ms.)

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('P, и (затем) Q'):

- (44) *konne* *ʈʂiŋ˩dʒə-nde-Ø* *i* *tobe-t*
 от.воды наступить-LATENT-S3 и нога-3
par˩-lɔ'i-ŋ
 прилипнуть-INTENS.AOR-S3
 'Он шагнул на берег (из лодки), и его нога прилипла' (Do. Ms.)

В. Конструкция с предглагольным употреблением *i*, в которой *i*, как и его русский прототип, имеет функции частицы:

- (45) *okkur* *sej* *kāwo-n* *tāri* *tʰtt˩-m* *mattš-ɾ*.
 один ? обхват-GEN толстый кедр-ACC резать.AOR-O3
matš˩-lewle *i* *pa'ɔn-nə-t*.
 резать-CVB и срубить-AOR-O3
 'Он рубил кедр толщиной в ? обхватов. Рубя, и срубил' (Do. Ms.)

- (46) *I*.¹¹ *okkəɾən* *i* *tɛɾb-a-Ø*: "kai˩ŋgo *imj-am*
 PN однажды и подумать-AOR-S3 почему тетя-1
sim *na* *to-nd* *ũgəl-gu* *assə*
 я.ACC этот озеро-DLAT пойти-INF NEG
kūrāldʒə-kku-ŋ?" *I*. *i* *nā* *to-nd* *ũgən-na-Ø*.
 пустить-НАВ.AOR-S3 PN и этот озеро-DLAT пойти-AOR-S3
 <Тетя сказала Иче не ходить на дальнее озеро.> 'Однажды Ича и думает: «Почему тетя сказала мне не ходить на это озеро?»
 Ну, он и пошел на это озеро' (Do. Ms.)

На схеме, представленной на рис. 5, сопоставляются функции двух рассмотренных элементов кетского селькупского и русского союза *и*.

В кетском диалекте заимствование происходило, несомненно, с опорой на модель 2: *i* в кетском употребляется в базовой функции русского союза *и*, использующегося как при сочинении клауз, так и при сочинении синтаксических составляющих более низкого уровня. Помимо союзной функции, в кетском были также скопированы употребления русского *и* в функции частицы. Таким образом, элемент *i* в кетском имеет практически ту же полисемию, что и в верхнеобском, причем эта полисемия опирается на многозначность прототипа *i* в языке-доноре, а не на его отождествление с многозначным элементом в языке-реципиенте.

¹¹ Сокращенная запись имени главного героя в тексте К. Доннера.

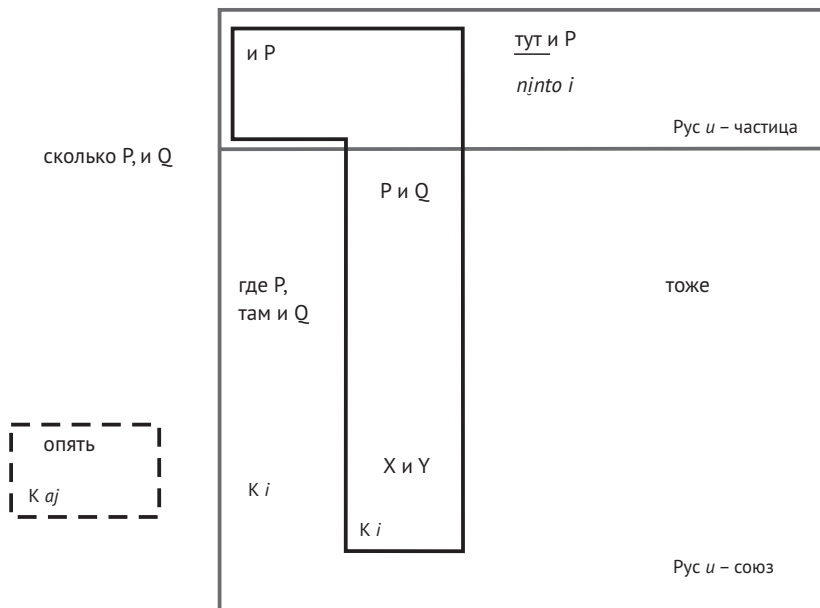

Рис. 5. Семантическая карта *aj* и *i* в кетском диалекте

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в кетском диалекте (сплошная черная линия), *aj* в кетском (пунктир длинными штрихами), *paĵ* в кетском (пунктирная линия)

Fig. 5. Semantic map of *aj* and *i* in the Ket dialect (Selkup)

Spheres of functioning: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), the element *i* in Ket dialect borrowed from Russian (solid black line), *aj* in Ket dialect (dashed line with long strokes)

3. Заимствование русского союза *и* в селькупские диалекты: основные выводы

Изложим кратко те выводы, которые можно сделать на основании изучения моделей заимствования русского *и* в селькупские диалекты.

Наиболее полисемичные употребления *i* представлены в тымском и в верхнеобском диалектах. Но в тымском диалекте эта полисемия формируется в соответствии с моделью 1 – с опорой на отождествление заимствованного элемента с функциями двух исконных элементов (*aj* и *paĵ*, причем первый из них, в свою очередь, обладает широким набором функций); в результате этого заимствованный элемент приобретает в том числе несвойственные его прототипу в языке-доноре значения.

Напомним, что *i* в тымском при этом не употребляется для маркирования простой сочинительной связи в конструкции вида «X и Y», хотя эта функция не только является одной из самых частотных у русского *и*, но и представлена у селькупского *aj*, на отождествление с которым опирается формирование употреблений заимствованного *i*. Я объясняю это тем, что такое отождествление может быть *избирательным*: элемент *i* востребован только в тех конструкциях, которые служат структурированию дискурса. Сугубо синтаксическая и при этом десемантизированная функция сочинения двух конъюнктов при этом может игнорироваться, хотя предпосылки для употребления *i* в этой функции могут создавать и язык-донор, и язык-реципиент.

В верхнеобском полисемия *i* формируется с опорой на модель 2: повторяется многозначность заимствуемого элемента в языке-доноре, копируются употребления *i* как в функции союза, так и в функции частицы. Практически так же ведет себя заимствованный *i* в кетском диалекте.

В васюганском и в северном селькупском заимствование также происходит в соответствии с моделью 2, однако в этих диалектах *i* повторяет только союзные функции русского *и*. Наиболее узкая сфера употребления *i* характеризует северный диалект, в котором это заимствование появляется только в текстах второй половины XX в. Здесь *i* дублирует самые частотные функции *и*, которые одновременно с частотностью характеризуются наименьшими требованиями к синтаксической и дискурсивной сложности конструкции: в северном селькупском *i* употребляется только при сочинении клауз и при сочинении синтаксических групп более низкого уровня.

Любопытно также сопоставить материал тех четырех диалектов, в которых заимствование *i* регулируется моделью 2 в отношении употребления исконного элемента *aj*¹². Использование модели 2 предполагает ориентацию на систему языка-донора, и теоретически можно предполагать, что это отразится и на функциях исконных элементов, близких по значению к элементу заимствованному. Мы видели, что сферы употребления *i* (не выходящие за рамки союзных) практически совпадают в васюганском и в северном селькупском; однако в васюганском *aj* имеет значительно меньше функций, чем в северном диалекте. Еще более показательным это сопоставление в случае верхнеобского и кетского, где *i* был воспринят не только в функции союза, но и в функции частицы. Несмотря на практически идентичные функции заимствованного *i*

¹² Тымский материал здесь непоказателен, т.к. заимствование *i* в тымский происходит в соответствии с моделью 1, т.е. «с позиции силы»: заимствованный элемент употребляется по модели исконного, и потому мало может повлиять на последнюю.

в верхнеобском и кетском, употребления *aj* в этих двух диалектах кардинально различаются: в верхнеобском *aj* представлен в языковой системе как активно употребляющаяся многозначная единица, тогда как в кетском употребления *aj* ограничены значением 'опять'.

Эти наблюдения над употреблением *aj* подтверждают утверждение Я. Матраса о том, что в случае заимствования не происходит конвергенции (адаптации семантики и сферы употребления исконного элемента таким образом, чтобы он становился фактически репликой некоторого элемента из L2). С его точки зрения, такое заимствование происходит в результате другого процесса, который он называет фузией и определяет как однонаправленный перенос лингвистического материала со всеми связанными с ним функциями из L2 в L1. На начальном этапе процесса фузии в распоряжении говорящих образуется два набора дискурсивных элементов: исконный и заимствованный. Чтобы снизить когнитивную нагрузку, они делают (неосознанный) выбор в пользу набора элементов из прагматически доминирующего L2. Однако Я. Матрас не рассматривает, что же на самом деле происходит с исконной системой, сближается ли она с системой заимствованной (в частности, он НЕ показывает, что сосуществование двух систем НЕ проходит через стадию конвергенции): для его модели оказывается достаточным понимать, что финальной стадией процесса фузии является отказ от системы исконных дискурсивных маркеров. Таким образом, Я. Матрас, в общем, не говорит ничего о том, что происходит с исконной системой дискурсивных маркеров на этапе, предшествующем отказу от нее в результате действия механизмов фузии.

Данные селькупских диалектов демонстрируют, что при заимствовании дискурсивных элементов их близкие аналоги продолжают развиваться независимо в соответствии со внутренней логикой исконной языковой системы, и их употребления, во-первых, не подстраиваются под употребления заимствованных элементов, во-вторых, если и редуцируются под влиянием заимствованных элементов, то редукция эта, во всяком случае, не носит обязательного характера.

Библиографический список / References

Быконя, 1981 – Быконя В.В. Сказка и бытовые тексты (Напас) // Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1981. С. 137–139. [Bykonya V.V. Fairy tale and everyday texts (Napas). *Skazki narodov Sibirskogo Severa*. Tomsk, 1981. Pp. 137–139. (In Rus.)]

Григоровский, 1879 – Григоровский Н.П. Азбука сѣссогой гѣлани. Казань, 1879. [Grigorovskiy N.P. *Azbuka syússogoy gélani* [The Alphabet for Selkups]. Kazan, 1879.]

Дульзон, 1966а – Дульзон А.П. Селькупские сказки. Томск, 1966. [Dulzon A.P. Selkupskie skazki [Selkup fairy tails]. Tomsk, 1966.]

Дульзон, 1966б – Дульзон А.П. Кетские сказки. Томск, 1966. [Dulzon A.P. Ketskiye skazki [Ket fairy tails]. Tomsk, 1966.]

Кузнецова и др., 1993 – Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Т. 2. М., 1993. [Kuznetsova A.I., Kazakevich O.A., Ioffe L.Yu., Khelimsky E.A. Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. 2. Moscow, 1993.]

Прокофьев, 1935 – Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская грамматика). Л., 1935. [Prokofyev G.N. Selkupskaya (ostyako-samoyedskaya grammatika) [Selkup (Ostyak-Samoyed) Grammar]. Leningrad, 1935.]

Alatalo, 2004 – Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fennou-Ugricae XXX). Helsinki, 2004.

Matras, 1998 – Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing. *Linguistics*. 1998. Vol. 36–2. Pp. 281–331. DOI: 10.1515/ling.1998.36.2.281

Thomason, Kaufman, 1988 – Thomason S.G., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley, 1988.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022

The article was received on 29.12.2022

Сведения об авторе / About the author

Урманчиева Анна Юрьевна – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела языков народов России, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

Anna Yu. Urmanchieva – PhD in Philology; senior researcher at the Department of the Languages of Russia, Institute of Linguistic Studies, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3045-3807>

E-mail: urmanna@yandex.ru